

18+

Мурич Виктор

Поискун и Потаскун

Виктор Мурич
Поискун и Потаскун

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мурич В. Б.

Поискун и Потаскун / В. Б. Мурич — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Шаг за шагом... Из мира в мир... Из реальности в реальность... Теряя спутников на очередной преграде, они собирают бессмысленные безделушки, чтобы кто-то сложил свой пазл. Но, что произойдет когда пазл будет собран?

Виктор Мурич Поискун и Потаскун

Раздражающе звонкая трель мобильного вырвала меня из плена мутных сновидений. Буквы на экране прыгали словно блохи по бродячей собаке. Сколько я не напрягал непокорные глаза, но картинка так и не приобретала четкость.

– Да, – просипел я в трубку, поняв, что самый быстрый способ идентифицировать собеседника это услышать его голос.

– Привет Шило, – хихикнул собеседник. – Как здоровьице? Синячишь?

– Ты кто? – сел я на край дивана. На пол соскользнуло дурно пахнущее одеяло. Босые ноги погрузились в липкую лужицу. – Блевотина, – мрачно констатировал я, опустив глаза вниз.

– Сам ты блевотина! Ты Шило уже вкрай сбухался. Да-да-да! Я понимаю, что это твой... Э-э-э как ты там его называешь? Метод. Пусть будет метод, если данный термин отражает суть процесса. Но ТАК бухать зачем. Твой ливер вскоре потеряет ценность не только для потенциальных доноров, но и для твоего организма в первую очередь. Подобный образ жизни...

– Заткнись Енот! – буркнул я, сглотнув подошедший к горлу ком. – Не таракти. Голова болит.

– Ой, головонька у него болит. Конечно-конечно, – захихикал собеседник. – Сейчас она у тебя еще больше заболит. Шеф звонил.

– И? – поинтересовался я, вставая на ноги.

Комната превратилась в сумасшедшую карусель, с каждым вздохом набирающую обороты. Меня вырвало желчью. Все. Сундучок волшебника пуст. Кролики и голуби покинули его еще ночью. Почему ночью? Хватаясь руками за мебель и стены я, покачиваясь, добрался до окна. Непослушные ноги норовили то сложится, то разойтись в разные стороны.

– Мать вашу! – плотная штора скрывала от меня яркую улыбку восходящего солнца. Лучи плясали по первому снегу, укрывшему землю белым ковром. Из глаз потекли слезы.

– Не трогай святое, – хихикнул голос в телефоне. – Родители не виноваты, что мы такими уродились. Точно-точно. Могу сказать одно – зачат ты был точно по пьяни. На трезвую такой продукт не забацишь.

– Уже зима? – прищурившись, я мрачно осмотрел бескрайний спальник. Стройные ряды многоэтажек выстроились вдоль уходящего в рассвет проспекта. – Сколько я здесь?

– Вот-вот. И шеф так же сказал – сколько можно искать этот путь. За это время нормальные находят, доходят и возвращаются. И еще он сказал...

– Енот? – вкрадчиво спросил я. – Ты еще там?

– Ну да-да. Где ж мне быть? Тут я. Тут.

– Меня хорошо слышно?

– Ну да-да. Шило, у тебя все нормально? – в голосе мелькнуло волнение.

– Замечательно, – я переступил через разбитую вазу. От кучи битых стекол тянулась в сторону сортира вереница красных пятен. Вот почему болит правая ступня. Ничего не помню. – Передай своему шефу, что он может идти в жопу. Именно туда и ни сантиметра в сторону. Пусть ищет нормального, который ему найдет, дойдет и вернется. А я тут посижу. И ты не ответил на мой вопрос. Сколько времени прошло?

– Шило, ты начал осенью. Вчера выпал первый снег. Зима, брат. Зима. Без двух дней две недели синячишь. Да-да-да. И кстати ты должен мне. И неслабо должен.

Шаг за шагом я поковылял в сторону кухни. Звякнули, разлетаясь из под ног латунные гильзы.

Ага! Значит, я шумел.

Раз. Два. Три. Четыре. Четыре пистолетные гильзы. Плохо. Соседи раньше просто ненавидели. Теперь даже не знаю. О! Пустая обойма на краю журнального столика. Четыре плюс девять. Итого.... Э-э-э...

– Енот, нужна твоя помощь.

– Опять?! Что сейчас?

– Четыре плюс девять. Сколько получится?

– Я недавно упоминал о состоянии твоего ливера. Так вот. С мозгом у тебя все хуже. Гораздо хуже. Тринадцать будет. На лицо явная деградация личности, нарушение элементарных функций головного мозга...

– Заткнись. Я думаю. – Я застыл на пороге кухни, уставившись в потолок. – Енот я кого-то расчленил, но ничего не помню об этом. Ко мне кто-то приходил?

– Вот-вот. Нарушение элементарных функций головного мозга. И потеря памяти. Да-да-да. Ты ж под замком. Как обычно. Ты закрылся изнутри. Я тебя закрыл снаружи. Выход исключительно по взаимному согласию. А про расчленение это ты к чему? Руки? Ноги? Кишки на люстре?

– Кровище на потолке в кухне. Много, – меня опять стошнило.

– Я рад, что этого не вижу. И звуки ты издаешь страшные-страшные. Радуется, что телефон запахов не передает. Твоя берлога это что-то. Да-да-да. Ладно, загляни в большой шкаф возле холодильника.

– Здесь нет холодильника, – взгляд нащупал бутылку пива на подоконнике. Откупоренная. Я принял. Без разницы. Все воняет блевотиной. Даже пиво.

– Забыл-забыл. Это был второй приезд полицейских, – как-то невесело хихикнул телефон. – До сих пор не понимаю, как ты в одиночку дотащил двухкамерный холодильник до балкона. Помнишь, у твоего подъезда в подвале пара бомжей обосновалась. У них еще болячки на физиономиях такие страшные-страшные, что даже полиция на них забила и забыла о их существовании.

– Насмерть? Обоих? – ноги подкосились, и я присел на трехногий табурет. По воспоминаниям раньше ног у него было больше.

– Нет-нет-нет. Несварение говорят было. Холодильник полный жратвы козырек над входом в подвал проломил и застрял там. Теперь они на тебя молятся, и каждое утро смотрят вверх в ожидании нового холодильника. Правда, пивные бутылки с мочой снизили уровень фанатичной религиозности.

Еще раз принявшись к содержимому бутылки поставил ее на место. Я вообще в бога не верю.

– Енот, какое отношение бомжи имеют к пятнам на моем потолке? Бомжей двое. Пятен три.

– Точно три? Точно-точно?

– Три здоровенных кровавых пятна. Куча стекол на полу и много желтых ляпок везде.

– Ты когда в поиск уходил среди покупок были три банки томатного сока и несколько упаковок яиц. В моменты просветления кровавой меры догонятся. Точно-точно. Ты сказал, что это пошло твой дух просветляет.

– Понятно, – вздохнул я. – Открывай. Привези пива и еды.

– Нашел? – восхищенно выдохнул Енот. – Где?

– Ищи рифму, – буркнул я. – Пиво. Еда. Отбой.

Вот и закончился очередной поиск. Уже и не помню какой по счету. Наверное, стоило бы вести дневник. Записывать, что и где нашел. Записывать? Что? Координаты, которых нет? Предметы, которых не существовало или о которых забыли? Зачем? Обычный человек в лучшем случае воспримет как записки сумасшедшего. Коллега, если таковые имеются, покачает головой и отправится в свой поиск. У каждого свой путь.

Уткнувшись лбом в спасительно холодное стекло, я изучал подзабытый мир. Мой мир. Енот уже наверняка обрадовал шефа. Процесс пошел. Группа подъем. И понеслись. Все это будет завтра. Не, интоксикация от двухнедельного... без двух дней двухнедельного запоя так быстро не исчезнет. Скорее послезавтра. Я конечно заранее, до начала процесса провел подготовительные процедуры, но процесс затянулся. Цель оказалась непростой и путь в стиле Сусанина. Когда дойдет до дела, спутники будут в восторге от пути.

Но все это будет потом. Сейчас я созерцаю начало зимнего дня. Машут архаичными лопатами дворники. Тянутся гусиные вереницы простолюдинов от парадных до остановок. Фыркают, выбираясь из сугробов стоянок автомобиля. Максимум позитива это детишки. Выскакивая из бездонных чрев многоэтажек, они первым делом падают в сугроб или пуляют снежком в кого-нибудь. Им нет дела, что родители спешат на работу, а их ждет садик или школа. Первый снег и этим все сказано. Чистый снег. Чистые эмоции через край. Бедные мамыши и очень редкие папаши пытаются вернуть малышей в свою серую реальность. Они уже не помнят, что такое быть ребенком. Они не верят в чудеса и забыли вкус настоящего счастья. Они уже не помнят, что порция эскимо может доставить радости куда больше чем новый ноутбук или лексус под окном. Что первый поцелуй любимой дает душе крылья, а жрицы любви публичного дома всего лишь будят воспоминания об этом. Для них – букет фиалок под дождем на велосипеде через полгорода, только для того чтобы ОНА улыбнулась – нерациональная нелепость. Ласковая улыбка мамы тускнеет в памяти под грузом пустых бытовых забот. Доминирующее слово на устах – «надо». Надо в садик. Надо в школу. Надо к бабушке под присмотр. Взрослые забыли себя прежних. Стали рабами социума. Слово-то какое мудреное. Мой скудный умишко не в состоянии его постигнуть. И я рад этому. Рад, что стою в стороне от стада потребителей, управляемых рекламой, модой. У меня свой взгляд. Своя жизнь. Свой путь. Иногда я даже не уверен, что я из этого стада. Это я про хомо сапиенс.

Щелкнул замок входной двери. Этот замок открывается только снаружи. Затрещал дверной звонок, напомнив о головной боли. Пошатываясь из стороны в сторону, я направился в прихожую. Топорик, для разделывания мяса, воткнутый в голову лося над входной дверью вызвал улыбку. Хорошо я ему засадил промеж рог. Попытки извлечь кухонную принадлежность из жертвы таксидермиста не увенчались успехом. Топорик крепко засел в черепушке. Не та уже силушка. Не та.

– Кто? – крикнул я, стоя сбоку от бронированной двери.

– Ищи рифму алкоголик, – заорал Енот из подъезда. – Открывай-открывай.

– Енот, это точно ты? – поинтересовался я, набивая дату и время своего рождения с точностью до минуты одновременно двумя руками на двух пультах, размещенных на противоположных стенах узкого коридора. Идея шефа. Когда я в поиске, то практически невменяем. Другими словами – пьяный в хламину. Вот и придумали выход с защитой от пьяного. Нужно всего лишь синхронно на двух пультах набить последовательность цифр. В общем, перестраховались как могли, чтобы оградить мир от меня нетрезвого а меня от мира беспощадного. Но иногда я и сам себя удивляю.

«Клац» – сказал распахнувшийся сейф.

«Хрясь» – сработал внутренний замок на двери. С третьей попытки – почти трезвый.

Дальше работают рефлексы. Мозг отдыхает. В левую руку детонатор. Осколочная мина направленного действия находится в стенном шкафу напротив входной двери. В правую – пистолет. Надо будет сказать шефу, что пуленепробиваемые стекла это хорошо, но доступ на балкон стоит ограничить. Вчера холодильник – счастье бомжей, а завтра – завтра моя фантазия изрыгнет нечто смертоносное. Лучше без балкона. Ограничимся форточкой.

– Шило, это я. Енот. Точно-точно, – его голос дрожал. Как-то его голос показался мне недостоверным. С тех пор соседи напротив со мной не здороваются а Енот осторожничает.

– Заходи, – я коленом толкнул задвижку.

Дверь приоткрылась, и в нее бочком просунулся мужчина лет тридцати. Невысокого роста. Свободный костюм скрывал излишнюю полноту. Как всегда гладко выбрит, и словно вчера подстрижен. Маленькие глазки за толстыми линзами очков метались между шкафом и стволом пистолета. Руки в карманах строгого пальто нервно вздрагивали.

– Шило, держи себя в руках, – дрожал не только голос. Дрожал второй подбородок и пухлые щечки. – Шило, мне не нравятся твои глаза. Ты точно меня узнаешь? Это я-я-я, Енот. Точно-точно. Шило, убери пистолет и сними палец с кнопки. В твоей засратой хате только моей кучи перепуганного дерьма не хватает.

– Пиво?

Енот вытянул из пакета с логотипом ближайшего супермаркета бутылку.

– Держи.

– Дверь закрой, – я сунул в карманы джинсов арсенал и принял сосуд просветления.

– Ты как? – поинтересовался Енот, брезгливо осматриваясь. – Обосрал все, что не смог облевать? На этот раз ты себя превзошел. Ты в курсе, что мне должен? Каждая беседа с полицейскими денег стоит. Они тут как мухи на дерьмо. Сперва глюки решетил. Соседи оценили. Да-да-да. В полной мере. Кстати в твоём доме, именно в этом подъезде и особенно на этом этаже упали цены на недвижимость. Потом бомжей ошастливил. Мусоровоз чем тебе не угодил?

– Мусоровоз? Не, с правоохранителями я стараюсь не связываться.

– Шило, ты мозг пропил. Речь об ассенизаторе. Мусоровозы сгнули в далеком совдеповском прошлом.

– Енот, не шуми, – я в два глотка осушил бутылку. – Не помню я. Жратвы и пива.

– В твоём поведении от человека становится все меньше, – произнес Енот, протерев толстые линзы очков. – Шило, ты деградируешь. Поиск сжирает твой мозг. Поверь, Шило, тебе ходки три осталось и человека в тебе не останется. Точно-точно. Не сомневайся.

– Жратвы и пива! – рявкнул я.

Енот молча разгрузил содержимое пакета на чистый край журнального столика. Не ожидая пока я начну трапезу он, глядя под ноги, вышел на балкон. Дрожащие пальцы только с третьей попытки родили пламя на кончике сигареты.

– Енот, – крикнул я, откупоривая очередную бутылку. – Хватит мерзнуть. Давай поговорим. Можешь курить тут. Хуже уже не будет.

Прикуривая новую сигарету от окурка, Енот присел на краешек кресла напротив, предварительно сбросив на пол носком сверкающего ботинка ворох грязной одежды.

– Слушай Енот, ты сегодня какой-то не такой. Обычно ржу не могу... а тут на лице грусть-печаль гуляет. Поначалу качественно дурака валял. Шутил привычно. Это к чему? Дорога пугает? Так мы легких путей не ищем. Ты вспомни – разными местами ходили и всегда возвращались. И сейчас вернемся.

– Шеф нервничает, – вздохнул Енот и щелчком отправил окурочек в приоткрытую балконную дверь. – Ты в последнее время доставляешь много-много забот. Сроки затягиваешь. Буянишь. Да-да-да. Буянишь. В следующий раз мне придется обыскать твою берлогу на предмет оружия. Откуда ты его вообще взял? Есть же пистолет в сейфе... на всякий случай... Ты представляешь, чего стоит замять все твои выходки? Да у шефа связи и деньги. Мне кажется, что он способен решить любой вопрос...

– Ну, прям боженька воплоти, – я впился в гамбургер. – Вкуснотища. Будешь? Ну как знаешь. Только не делай такое лицо. Не хотел бы он таких забот – отгрохал бы мне в тихом заповедном месте особнячок. И пугал бы я не пиплов а в лесу медведей... Не, нафиг медведей. Лучше чайки и дельфины в лунной дорожке. О! Точно! Остров! И никаких забот. Маленький персональный остров.

– Стрельба. Летающий холодильник, – перечисляет Енот, пропустив мою речь мимо ушей. – Вопли и нецензурная лексика. Метание картошкой в котов у подъезда. Да-да-да. Прицельное метание. И это видели дети.

– Это помню! Это за дело. Месть, так сказать. Ты когда-нибудь вступал в подъезде в...

– Помочился на дворнику... дворничку... э-э-э, ну ты понял.

– Так она ж сачкует. У нее не работа, а сплошные перекуры и лясим-трясим с местными бабами. Непорядок, как сказал бы наш Ромич.

– Мусоровоз...

– О, хорошо, что напомнил! – я даже отставил бутылку в сторону. – Заинтриговал. Хоть убей, мусоровоз не помню. Осквернил? Не? Сказал что-то нехорошее? Не? Не то? Картошкой как в котов. Коты, кстати заслужили.

С трудом сдерживая улыбку, Енот прошествовал на балкон, лавируя меж пятен сомнительного происхождения на ковре. Подкурив очередную сигарету, он поманил меня пальцем.

Балкон был усыпан снегом. Израненные ступни нырнули в белый холод. На фоне зимней чистоты я выглядел как ворона, страдающая хронической диареей. Грязные донельзя джинсы точно летопись последних двух недель. Некоторые строки вызывают стыд и отвращение. Я вспомнил, что убил лося за неразделенную любовь. И на брудершафт он пить не хотел. Те же две недели футболка служила не только носовым платком и салфеткой, но и возможно туалетной бумагой. Свежий зимний воздух был осквернен одним моим присутствием.

– И чего? – мрачно поинтересовался я. – Зима. Холодно.

Блеснули на солнце толстые линзы. Пухлые губы растянулись в улыбке. Палец-сарделька ткнул вниз и вправо.

– Это все я? – присев на порог поинтересовался я. У шефа такие связи достойные. Замять такое...

– Ты не представляешь, какой тут был цирк, – захохотал Енот, хлопая себя по бедрам. – Полиция. Пожарные. Спецназ пригнали. Точно-точно. Спецназ. Окружающие дома перетрусили. Собаки с полицией обыскивали квартиры на предмет взрывчатки, а конкретнее РПГ.

– Э-э-э, стой-стой, это не я. Точно не я. Не было у меня никогда гранатомета. Да был пистолет. Прикупил по дешевке и пару обойм бонусом добавили. Но это ж обычный макар. Но чтобы так... Не, Енот не я это.

Я зачерпнул горсть снега и обтер вспотевший лоб. Одно дело холодильник, а реактивный противотанковый гранатомет это из другой епархии.

Енот ткнул пальцем в угол балкона. И что? Сломанный стул без двух ножек полотенцами привязан к перилам. Разорванный коробок спичек. Рванный бинт. Банки чего-то чистящего. Аптечка перепачканная чем-то розовым. Наверное, марганцовка из старых запасов. Пустые бутылки из под водки. Вскрытая упаковка презервативов.

Сияние физиономии Енота затмило зимнее солнце. Жестом фокусника достающего из кролика шляпу... тьфу-ты гадость какая, кролика из шляпы, он снял с ножек стула эспандер.

– Ты еще и химик, – смеясь, он похлопал меня по плечу и вытер ладонь носовым платком. – И снайпер. Да-да-да. Снайпер. Всегда считал, что оружие это не твое. Ладно, хватит любоваться на деяния рук своих. Холодно. Пошли.

Бросив последний взгляд на выгоревший скелет мусоровоза, я закрыл дверь и задернул штору. Не хочу этого видеть. И помнить не хочу.

– Кто-то пострадал? – мрачно спросил я, откупоривая бутылку пива об угол стола.

– Нет, – Енот проследил за кусочком лака, отколовшимся от стола. – Ты пристреливался. Первые два легли рядом. Водила оказался бывалым. Интернационалист. Сработал рефлекс. Третий заряд лег точно в цель... Так, давай заканчивать с твоими подвигами и переходить к делу. Ты нашел? Точно-точно?

– Точно. Как всегда.

– И где?

– Про рифму я уже говорил? Тебе на словах или карту нарисовать? Лучше глобус. Сколько осей предпочтешь? Три традиционных? Или еще время добавить? И учти, не всегда и не везде ось это прямая и далеко не всегда их три.

– Ну да-да-да, не подумал, – хмыкнул Енот. – У тебя своя координатная сетка. Ты главное привязку вернуть не забудь. Шеф не простит, если эта безделица потеряется. Ты же ее не потерял?

– Спроси чего полегче, – отодвинул я опустевшую бутылку. Внутри стало уютно и тепло. Недавняя хворь отступила. Захотелось прилечь и вздремнуть. – Что на этот раз было? Напомни.

– Ты что! – вскочил на ноги Енот. – Потерял? Это недопустимо! Недопустимо! Ты не представляешь, что это для него значит!

– Не ори, – сонно зевнул я. – Я не помню. «Это» – не самое лучшее описание предмета. Круглое? Квадратное? Съедобное? Ха! Помнишь, как-то привязкой была засохшая печенюшка. Ей лет сто было. Я тогда ее чуть не схмятил.

Енот неожиданно прытко подскочил ко мне и встряхнул, ухватив за плечи.

– Кусок дерева, Шило. Кусок дерева, – крикнул он мне в лицо. – Вспоминай! Где?

Енот сегодня прям сам не свой. Обычно весельчак и балагур тормозит меня точно тряпичную куклу... Кукла... Точно, перед этим была привязка кукла. Странная такая. Ручной работы. По грустному деревянному лицу с огромными глазами-жемчужинами катилась деревянная слеза... Деревянная. Деревянная... Кусок дерева...

– Енот, посмотри в сортире, – сонно пробормотал я, закрывая глаза. Тяжелая голова опустилась на стол. – Или в ванной. Ищи где вода и пустые бутылки из под рома.. Корабль укажет нам путь. Ветер надувает паруса. Йо-хо-хо и бутылка рома.

На горизонте возник необитаемый остров. Пальмы. Чайки. Обнаженные туземки с корзинами фруктов на головах.

Меня толкнули в плечо.

Енот разве что кислотой не плевался.

– Что привязка в унитазе делает?

– Наверное, плавает.

– Зачем?!

– Чтобы не утонуть.

Я приподнял свинцовые веки. Енот не на шутку разошелся. Пухлые кулачки аж побелели от злости. Так гляди и в морду мне даст. И чего он к этой деревяшке прицепился? Щепка как щепка. Чуть длинней ладони и пальца в два шириной. Смазанные остатки орнамента и вкрапления мелких камушков. Почерневшее от времени дерево пахнет солью и смолой.

– Шило, твой мозг тебя предал! Зачем ты засунул привязку в унитаз? Ты мог ее испортить! Да-да-да! Испортить! Ты же знаешь, как шеф относится к этим предметам. Ты идиот? Ты вообще меня слышишь? Алле, дома кто есть? В этом скворечнике все сдохли?

Он постучал меня костяшками пальцев по голове.

– Енот, отстань, – отмахнулся я точно от надоедливой мухи. – Наверное, так было надо. Я не помню точно. С привязкой можно разговаривать, лишь поместив ее в привычную среду...

– Говно?

– Воду, Енот воду. Деревяшка имеет непосредственное отношение к воде. Очень соленой воде.

– Ага, – присел рядом Енот. – Я уж подумал ты совсем того... Необычные возможности порождают неадекватность и сдвиг по фазе. Понимаешь, захожу я в твою фекальную комнату, а возле унитаза стоит полупустая пачка соли... И о чем я мог подумать? Обычно не это на зиму засаливают.

Я криво ухмыльнулся:

– Ты даже представить не можешь, сколько ключей я перепробовал к этой привязке. А она молчит и молчит. И ни в какую. Ты кстати, руки то вымой с мылом. Я всякое пробовал.

Енот скорчил брезгливую мину и пошел в ванную. Выскочил он оттуда с еще более брезгливым выражением на лице.

– Ты не знаешь, что Это делают в унитаэ? – поинтересовался он, доставая из кармана упаковку влажных салфеток.

– Последнее время там было занято, – я кивнул на лежащую на столе деревяшку. – Мы разговаривали.

Енот осудительно покачал головой и направился к входной двери, стараясь ничего не касаться.

– За сутки очухаешься? – поинтересовался он, остановившись в дверном проеме. – Дерьмово выглядишь. Точно-точно. Дерьмово. Даже хуже чем обычно.

Я утвердительно икнул и сделал бай-бай ручкой.

Дверь захлопнулась.

--

– Что на этот раз? – насмешливо поинтересовался Ромич, поправляя на плече тяжеленный «Вулкан». – Будем рисовать акварелью на витрине магазина игрушек или размазывать навоз по стене коровника?

Силовики из его команды дружно заржали. Стадо упакованных в доспехи узколобых амбалов, обвешанных стреляющими режущими и колющими причиндалами. То, чего хватило бы на небольшую армию, досталось десятку по заверению Ромича лучших в мире солдат. Они наша опора, защита и надежда.

Ромич полная противоположность Енота. Весь такой квадратный и мускулистый. Грубые черты мужественного лица подчеркивает благородная седина. Ему, наверное, за полтинник перевалило. Взгляд такой же тяжелый как и рука.

Енот поднял руку и смех утих. Ну да правая рука шефа, как-никак. Напутственная речь.

– Ну что, бесстрашные бойцы, – хохотнул он, уперев руки в боки и приподнявшись на носочки, чтобы казаться выше. – Пойдем и красиво умрем? Станем частью легенд про бесстрашных берсеркеров, презревших смерть. Да-да-да. Смерть. Уйдем в Вальхаллу на пылающих святым огнем драккарах. Предки будут гордиться нами а дети назовут нашими именами своих детей. Потому что мы делаем великое дело! Великое. Точно-точно. Мы вершим судьбу мира. Потому что мы боги! Мы порвем всех! ДА?!

– Да! – заревела бронированная толпа, вскидывая вверх крепко сжатые кулаки. – Мы боги! Порвем!

– А можно потише? – несмело поинтересовался голос с балкона над нами. – Все-таки ночь на дворе. Можно богами стать хотя бы в восемь утра? Очень спать хочется.

– Сгинь, – посоветовал Ромич, опустив ладонь на рукоять пулемета.

– Ну, в Вальхаллу так в Вальхаллу, – покорно хлопнула балконная дверь.

– Енот, заканчивай политинформацию, – сказал я, с опаской глядя по сторонам. – А то щас понаедут фурии с огнями святого Эльма на крышах бобиков.

– Давай, – кивнул Енот и сделал всем знак отойти в сторону. – Поехали-поехали!

– Гагарин нашелся, – презрительно сплюнул я. – Вези, раз такой умный. Вон, Ромич подтолкнет.

Командир силовиков недовольно рыкнул. Я показал ему в отместку язык.

– Ша! Всем! – поднял я руку вверх. – Действо начинается. Смотрите и учитесь. И кусайте губы от зависти.

Старый город. Полночь. Древние двухэтажки, еще царской эпохи, богато украшенные барельефами с античными сюжетами, запорошены снегом. Крепко отдают мочой парадные с мраморными ступенями и витыми перилами. Тоскливо орут коты, проводя ревизию мусорных баков. Глухо отстукивает колесами по окоченевшим от холода рельсам трамвай в квартале отсюда. Ворчит вдалеке перекормленным на ночь желудком сталелитейный. Сверкает над головой гирляндами огоньков вышка мобильной связи. Из тьмы в моргающий желтый свет светофора вынырнула ищущая приключений стайка гопников. Сверкнули из под козырьков кепок жадные до легкой наживы глазенки. И тут же погасли. Не тот вариант. Толпа народа, увешанная оружием отпугнет и не таких. Ночные падальщики бесшумно скрылись в подворотне.

Шаг вперед.

Дорога всегда начинается с шага. Не в первый раз иду и все равно как в первый раз. Никогда не знаешь, куда приведет тебя твой шаг. Можешь предполагать, догадываться... Но пока не шагнешь – не узнаешь. И в этом свой кайф. Ты впервые берешь в руки привязку. Вдыхаешь ее запах. Пытаешься прочесть ее душу. Да, это всего лишь вещь, но и они имеют нечто невидимое обычным взором. А она как капризная девушка. Сплошные отговорки и ничего конкретного. Все вокруг да около. Ни кто, ни откуда, одни секреты. И пока не поместишь ее в привычные комфортные условия, разговора не будет. Но попробуй угадай кто откуда родом, и что кому по душе. Вот в этом и кроется мой талант. Я умею договариваться с вещами. Они нашептывают мне на ушко свои секреты. Жаль, с девушками все куда сложнее.

– Шило, ты уснул? – поинтересовался Енот, застегивая камуфляж под горло и поеживаясь. – Бойцы готовы замерзнуть ради великой цели. Я нет. Можно как-то быстрее-быстрее?

– Дерево и соленая вода, – пробормотал я, подходя к ветхому дощатому забору, ограждающему то место, где еще лет пять назад вместо ветхого строения прошлого века должен был вырасти современный многоквартирный дом. Брызнула на пересохшие доски обогащенная поваренной солью вода из заранее приготовленной бутылки.

Секунда. Вторая. Минута. Еще минута.

– Шило, мы куда-то идем, или можно по домам? – язвительно поинтересовался Енот и поправил ремень. Военная пятнистая форма сидит на нем как влитая и выглядит словно только с витрины. Бледная луна отражается в вычищенных до блеска берцах.

– Енот, существует единственное место, куда тебе стоит пойти, и это точно не дом. В таких местах не живут. Даже такие как ты.

Я сделал глубокий вдох.

Показалось?

Еще вдох.

– Морем пахнет, – мечтательно сказал боец за спиной. – Я в Крым в этом году с женой и дочкой ездил. Там такое море. Прозрачное и пахнет... Как сейчас... И крабы на дне...

– И крабы на дне... – шепнул я улыбаясь. – Будет вам море. Едем, господа!

Финал моей работы.

На плечо легла рука Енота. Не оглядываясь, знаю, что за спиной выстроилась живая многоножка, перевязанная одним касанием. И ни дай бог убрать рук с плеча впереди идущего.

Шаг вперед. Дощатый забор рассыпался пылью, освобождая дорогу. Снежный вихрь на прощание хлопнул по спине. В лицо ударили теплые соленые брызги. Полуденное солнце резануло глаза. Скрипнула под ботинками дощатая палуба. Качнулся горизонт. Хлопнули над головой надуваемые ветром паруса. Чайки передразнивают гортанные крики матросов.

– Господа, приехали. Оплата по счетчику, – я присел, прислонившись к борту. Устал. Выпить бы. Глядя на разворачивающихся в боевой порядок бойцов, я выудил из рюкзака бутылку рома. Я свою работу сделал. Привел. Дальше мясники работают. – Ваша цацка там, на корме

– Вперед! – скомандовал Ромич, опуская прозрачно забрало.

Бойцы растянулись от борта до борта. Лязгнули затворы. Печально взвыли, раскручиваясь, стволы «Вулкана».

– А можно хоть раз без смертей? – попросил я, приложившись к бутылке.

– Это война детка, – заржал Ромич и бойцы поддержали его.

Авторитет командира неоспорим. Они ему чуть ли в рот не заглядывают, и любой приказ выполняют без промедления. Они как стая. А Ромич, умудренный жизненным опытом вожак, с неизвестным количеством войн за спиной.

– Если не будут мешать, припугните и все, – осудительно глянув на бутылку, сказал Енот. Он еще не до конца отошел от дороги и раз за разом вытирал салфеткой губы. Чтобы не упасть он ухватился за плечо одного из бойцов. Он единственный, кто так тяжело переносит дорогу. – Сделаем подарок нашему проводнику. Пока он еще в состоянии его оценить. Да-да-да. Оценить.

– Спасибо Енот, – я поднял в его сторону бутылку. – А и с кем тут воевать? Галеон. Средневековые торговцы. Этот мир отстал от нашего как минимум на три столетия. Такие посудины канули в историю в конце восемнадцатого века. Плюс минус. Даже если это не клон Земли, история почти везде одинакова. Шмальни разок поверх голов, они за борт сами попрыгают. Забираем цацку и топаем домой.

Мы стоим на баке трехмачтового галеона. За спиной форштевень, украшенный очень грудастой теткой. Мастер воплотил в статуе свою сексуальную фантазию. Волны раз за разом омывают разошедшее от времени деревянное лицо. Потрескивает над головой рангоут. Хлопают надутые паруса. Перед нами на палубе и мачтах застыли десятка полтора низкорослых раскосых матросов. Из одежды по большей части полотняные шорты.

На юте, возле штурвала, стоит крупный мужчина в богато украшенном камзоле. Ботфорты завернуты у самых колен. Треуголка увенчана пышным пером. Густая борода почти касается пояса с кривой саблей. Дымится длинная трубка.

Возможно, именно так выглядели торговые корабли нашего прошлого. Вот если верить книгам, прочитанным в детстве, на палубе должны быть пушки. Ведь всегда найдется жадный до наживы пират. Какой лакомый кусочек – галеон, идущий из Нового света в Европу. Сколько на борту испанского золота. А тут ни пушек, ни мушкетов. Из оружия – сабля капитана да ножи на икрах матросов. Наверное, в этом мире история пошла более мирным путем и бесстрашным покорителям океанов не грозит ничего кроме природной стихии.

Взгляд капитана пробежался по незванным гостям и уперся в меня. Криво ухмыльнувшись, он коснулся пальцами края треуголки, словно приветствуя меня.

Очередь из вулкана распорол парус. Пышное перо на капитанской треуголке точно бритвой срезало. Но ни единый мускул не дрогнул на его лице.

– Как я его! – захохотал Ромич. – За борт обезьяны! Теперь я капитан!

Матросы начали медленно отступать к корме. Капитан снял треуголку и огорченно потеребил остатки пера. На лице скорее удивление, чем страх. Смертный приговор для него и команды. Герои долго не живут. У труса шансов больше.

Бойцы неторопливо двинулись вперед. Довольно ухмыляющийся Енот вразвалочку отправился за ними. Он даже не удосужился кобуру расстегнуть.

Я приложился к бутылке и отвернулся. Надоело. Насмотрелся. Если шокированный нашим появлением и демонстрацией силы экипаж падет ниц и поверит в пришедших с морским ветром богов, то отделается парой нравоучительных пинков. Но стоит сверкнуть хоть одному клинку и Ромич получит повод. А его хлебом не корми, дай пострелять.

Я устремил взгляд вверх, где сквозь паруса подглядывало солнце. Перепуганные стрельбой чайки кружили над кораблем. Над ними ветер пинал отары упертых туч. Они кружились, вертелись, но никак не желали покидать пастбище. Наконец ветру надоели гуманные методы, и он дунул так, что непокорная отара отлетела к горизонту, обнажив тусклые лучи еще одного

солнца. Я хлебнул рома, чтобы прояснить картину. Так, мы на клоне нашего мира. Ощущения привычные. Атмосфера и сила тяжести вопросов не вызывают. Декорации типичные для отставшего мира. Это в опережающих мирах надо фантазировать. А ту просто вспоминаем учебник истории, учитываем возможные отклонения, и все. Альтернативные ветви развития не предполагают появление второго светила. А второе светило это изменение всего. Орбиты планеты. Времен года. Продолжительности дня. Климатических условий. А значит...

– Енот? – в полголоса окликнул я.

– Чего тебе? – не оборачиваясь, поинтересовался он. – Я же сказал, не будут играть в камикадзе – отделаются грязными штанишками. Да-да-да. Штанишками. Чего ты нервничаешь? Ты свою работу хорошо сделал. Сейчас Ромич все решит.

– Енот, это не Земля! – крикнул я, понимая, что секунда промедления может стоить всем жизни. – Тут может быть все по другому!

Я опоздал.

Капитан швырнул треуголку за борт. Прозвучал гортанный приказ.

– Ромич стреляй! – заорал я, вскакивая на ноги. Бутылка покатила по палубе, пропитывая доски выдержанным алкоголем. Ее место в руке занял пистолет. Я выстрелил в капитана, но промахнулся. Пуля расщепила штурвал.

Капитан криво ухмыльнулся и красноречиво провел пальцем по шее.

– Шило отставить! Что за самодеятельность? Приказа стрелять не было! – оглянулся Ромич. – Хотел по мирному, а сам стреляешь. Непорядок!

– Стреляй!

– Шило, уймись-уймись, – ухватил меня за грудки Енот. – Завязывай бухать.

Я сватил его за голову, и развернул так, чтобы он увидел второе светило. Енот захолопал рукой по бедру пытаясь выхватить пистолет.

– Рассмотрел?

– Огонь! – завопил он. – Ромич огонь!

Солдаты привыкли подчиняться приказам старших по званию. Злобной гудящей пчелой ожил «Вулкан», выплевывая свинец в противника. Запрыгали по палубе дымящиеся гильзы.

– Финиш! – захохотал Ромич и поправил ранец-обойму на спине. – Вы дольше говорили, чем я делал. Гражданские.

Этим термином, и особенно интонацией, он зачислил нас в касту неполноценных.

Палуба усеяна трупами. Рулевой повис на штурвале, покачиваясь из стороны сторону. Теперь мы на корабле, которым рулит покойник. Прикольно.

– Где-где капитан? – завертел головой по сторонам Енот. – Был и нет. Точно-точно. Я моргнул и он исчез. Может за борт прыгнул?

Распахнулись люки и из-под палубы полезли десятки вооруженных ножами матросов.

– Зальем свинцом этих долбодятлов! – скомандовал Ромич.

Уши заложило от грохота выплевывающих смерть стволов. Не прекращая огонь, солдаты шаг за шагом двинулись вперед, переступая через тела. Матросы умирали даже не успев выскочить на палубу. Умирали молча. Без единого звука. Просто тухли раскосые глаза и ни стопа, ни крика. Трупы сыпались вниз на головы лезущих вверх собратьев. Казалось, что пулемет прошивает корабль насквозь, лишая жизни даже тех, кого мы не видим. Палуба превратилась в перепачканный томатом дуршлаг усыпанный щепками, телами, обрывками парусов.

Наступившую тишину нарушало тяжелое дыхание бойцов и жужжание останавливающихся стволов «Вулкана».

Корабль покачивало. Глухо позвякивали, катаясь по палубе гильзы. Шелестел над головой распоротый парус.

– Как в тире! – оглянулся довольный Ромич, и похлопал по пулемету. – Порядок. Молодцы ребята. Не подвели.

Бойцы довольно заулыбались словам командира.

– Ага-ага, сейчас тебе выдадут плюшевого мишку за ворошиловскую стрельбу, – рассмеялся Енот, перепрыгивая через лужу крови, так чтобы не испачкать обувь. – Чисто сработали. Под палубой и мыша не пискнет. Точно-точно. Куда капитан делся? Видел кто?

Стоящий рядом боец сменил магазин и сказал:

– Очередью за борт выбросило. Точняк. Командир первой очередью по надстройке прошелся. Вон рулевой как на карусели катается. Надо его сменить. Крутанет штурвал и килем кверху.

– Вот ты и рули, – приказал Ромич. – Вперед.

– Есть шанс побыть капитаном корабля, – похлопал бойца по плечу Енот. – Наши жизни в ваших руках капитан. Да-да-да.

Солдат кивнул и двинулся вдоль борта на ют. Ствол автомата пристально ощупывал каждый люк, мимо которого он проходил. Поднявшись по лестнице на ют, он оттолкнул тело рулевого и занял его место.

– Курс зюйд-зюйд-вест, капитан! – шуточно скомандовал Енот и поправил очки. – Кстати, кто знает, что значит эта киношная белиберда?

– Курс юго-юго-запад. Бери примерно двести два градуса по компасу и будет самое то, – подсказал я. – А лучше просто держи прямо.

– Ага-ага, и смотри там ничего не сломай, – погрозил ему толстым пальчиком Енот.

Выглядело забавно. Енот в пятнистой форме, бронежилете и шлеме и так вызывал улыбку. Пропорциями чем-то на черепашку-ниндзя смахивает. Колобок мобилизованный. И вот эта черепашка делает а-я-яй пальчиком машине смерти, одновременно оттирая пятнышко на рукаве.

– Ромич, за мной, – приказал Енот. – Шило показывай дорогу.

– Может сами? – я с неприязнью глянул на заваленную трупами палубу. – Енот, ты же знаешь, не люблю я это дело.

– А кому сейчас легко? Показывай. Давай-давай.

Обходя тела и стараясь не вступать в кровь, я дошел до надстройки и толкнул дверь, висящую на одной петле. Вместо того, чтобы открыться она рухнула мне под ноги. Я вздрогнул и нацелил пистолет в темноту.

Енот толкнул меня в спину. Ромич презрительно хмыкнул.

– Нам вниз, – сглотнув страх, сказал я и шагнул в сумрак продырявленный лучиками от пуль.

Ромич включил фонарь. Лучше бы я не видел то, что выхватывает из тьмы его луч.

Еще одна дверь. Ромич молча оттеснил меня в сторону. Удар ноги и неповоротливый солдат оказался в комнате раньше, чем обломки двери коснулись пола. Пригнувшись, он обшарил стволом все подозрительные углы.

– Чисто, – прошептал он, остановившись на краю витой лестницы уходящей вниз. – Дальше я первый. Не нравится мне здесь.

– Зато я в восторге, – пробормотал я, глядя во тьму трюма. – Енот ты уверен, что эта цацка так нужна шефу?

Меня молча пнули пониже спины. Скрипнули под ногами ступени. Виток за витком мы погружаемся в нутро корабля.

Наконец лестница закончилась. Небольшая комната с тремя дверями тускло освещена масляным фонарем.

– Куда? – шепнул мне на ухо Енот.

Я кивнул на дверь что справа. Ромич сделал шаг вперед, выставив пулемет.

– Нет-нет-нет, – остановил его Енот. – Ты можешь ее испортить. Я сам.

Ромич сдвинул плечами и отступил в сторону, не опуская оружие.

На лице Енота такое волнение, словно на первое свидание собрался. Вот сейчас он войдет в комнату, а там, на широкой кровати под пышным балдахинном она. Единственная и неповторимая. Ждавшая именно его всю жизнь. И естественно немного не одетая. Кусая губы, он толкнул дверь.

Небольшая комнатуха заполнена светом через квадратные иллюминаторы. Кончиками пенных языков волны облизывают стекла. Оказывается мы даже не ниже ватерлинии. Когда спускались по лестнице, казалось, что мы уже ниже уровня воды. Из убранства: стол и пару стульев приколоченные к полу, коллекция холодного оружия на стенах, сундук в углу, расшитый золотом сюртук на вешалке у двери. Каюта капитана. Низкая лежанка аккуратно заправлена клетчатými пледом.

– И что это будет на сей раз? – мой взгляд, раз за разом обшаривает комнату. Я чувствую, что мы рядом с целью, но как она эта цапка выглядит понятия не имею. – Может кружок от унитаза? Деревянный. А щепка, которую я в унитазе топил его частица. Все сходится.

Шуткой я пытаюсь заглушить нехорошее чувство зарождающееся внутри. Нет, не страх. Страх там живет с того момента как я увидел второе светило. Чувство, словно ты в клетке и лишь мнишь себя свободным. Что судьба твоя уже решена, причем тебя никто ни о чем не спрашивал.

– Заткнись! – он принялся обыскивать комнату.

Первому досталось сундуку. Под ноги шмякнулись свитки карт, некоторое подобие секстанта, трубка с кисетом табака. Затеяливая такая трубка. Вырезанная из белого дерева, опоясанная черным орнаментом. По кромке окантовка из желтого металла.

Иногда мне кажется, что и он до конца не знает что найдет. Мутно у них там с шефом все. Куда-то ходим, что-то зачем-то ищем. А толком сказать, что кому и зачем никто не может. Или не хочет. По большому счету мы пешки. Исполнители. Дальше приказа шефа ничего не видим.

– Ты не ошибся? – Енот даже под кровать заглянул. Там оказался сундучок поменьше под верх заполненный желтыми дисками, крупными кристаллами и перламутрового вида шариками. Можно сказать проще – золотыми монетами, бриллиантами и жемчугом. Но эти слова присущи нашему миру. А сейчас мы далеко не дома

В таком помещении и прятать особо негде.

Енот поднялся и тщательно отряхнул колени.

– За языком следи! Я не ошибаюсь! – огрызнулся я. Не люблю, когда меня пытаются упрекнуть в непрофессионализме.

– Шило, ты обложался! Ее здесь нет! – еще раз осмотрел он каюту и вытер ладони салфеткой. – Точно-точно

– Енот, я тебе сейчас дам в морду! Точно-точно! – я сделал шаг навстречу. – Я! Не! Ошибаюсь! Понял?

– Отставить! – вставил между нами восьмиствольную тушу пулемета Ромич. – Непорядок! Шило, ты уверен в своих словах?

– Ромич, я когда-то ошибался?

– Логично, – кивнул он. – Енот, рекомендую повторить осмотр. И ты Шило не отлынивай. Ищи.

– Ему надо – пусть ищет. – Я уселся на кровать и закинул ногу за ногу. Откинувшись к стене, я демонстративно уставился в потолок. – Я свою работу сделал. Ты, Ромич тоже. Мы не обязаны за него вкалывать. Нам за это не платят.

– Общее дело делаем, – покачал головой солдат. – Нельзя так, Шило.

Армия не профессия. Армия – диагноз. Ромич – типичный представитель. Вроде наемник, а оперирует высокими идеями.

Под потолком покачивался осветительный прибор, который по конструкции можно было бы назвать люстрой. Но исполнение с натяжкой вытягивало на осветительный прибор. Что-

то вроде колеса телеги, только диаметром не более метра, на цепях подвешенное к потолку, а по окружности утыканное свечками в стеклянных плафонах. Оплавленный воск, обильно покрывающий конструкцию, не помешал мне увидеть изъян. Одна из спиц колеса имела до боли знакомый дефект.

Я быстренько потупил взгляд в пол, пока никто не заметил.

– Енот?

– Да пошел ты! – отмахнулся он, обстукивая стены в поисках несуществующего схрона. – Халтурщик! Точно-точно.

– Енот, я сувенир хочу.

– Ну и сука же ты, – прошипел он, стукнувшись лбом в стену. – Нашел?

– Ты сам это правило придумал. Как ты тогда сказал, на моей первой ходке, «с целью поощрения личного состава и развития личной инициативы».

– Это я тогда сказал, – обиженно произнес Ромич. – Везет тебе. Вон, какая абордажная сабля на стене. Такой реликт от отца к сыну... Ты на топор посмотри. Я и железа такого не знаю. Синевой отдает. И нож... Глаза разбегаются.

– Трубку хочу, – капризно заявил я.

– Эту? – поднял с пола курительный прибор Енот. – Ты это хочешь? Ты ж бросил.

Ромич посмотрел сперва на трубку, потом на меня, покачал головой и молча вышел за дверь.

– Шило, ты идиот, – рассмеялся Енот. – Даже больше чем Ромич. Да-да-да. У военных свои игрушки. Можно понять. У тебя под ногами миллионы, – он пнул наполненный драгоценностями сундучок. – А ты хочешь какую-то трубку. Зачем, зачем она тебе?

– Я хочу трубку.

Енот вздохнул и засунул трубку в карман, предварительно обернув чистой салфеткой:

– Договорились. Показывай. Давай-давай. Не тяни резину.

– И табак, – рискнул я.

– Один сувенир. Только один. Показывай-показывай.

Я ткнул пальцем в осветительный прибор типа люстра:

– Туточки.

– И где? – поинтересовался Енот после осмотра. – Хреновина со свечками под потолком болтается.

– Все нужно делать самому, – недовольно пробурчал я, вставая с кровати и хватаясь за обод. Рывок и конструкция грохнулась на пол. Полетели в разные стороны стекла и свечи. Слой воска обсыпался, обнажая дерево. Оказалось, что воск скрывал черное дерево, богато украшенное резьбой и инкрустировано разноцветными камушками. – Хреновина у него болтается...

– Оно! – опустил на колени Енот. – Нашли!

Дрожащие пухлые пальцы коснулись дерева, словно тела женщины. Лаская и голубя. Нежно и страстно. В ожидании взаимности. На глазах слезы. Очки запотели. Губы шепчут что-то неразборчивое. Каждый раз одно и то же. Находим какую-то безделицу, и Енот превращается в сплошные сантименты. Томные вздыхания. Всхлипывания носом. Фетишизм какой-то. Причем разносторонний и необычный. Я понимаю, если фетишем является красивое белье. Женское конечно. Предки наши любили фетишить на деревянных идолах, амулеты всякие. Религия и религиозный фетишизм это вообще отдельная история. А вот у Енота все по-своему. Сегодня хреновина со свечками. В прошлом месяце медный тазик с остатками цементного раствора. Ковер обгоревший как-то был. Красивый ковер и необычный. Точнее рисунок. Ковер как ковер. На рисунке бог, спускающийся с небес и люди павшие в страхе на колени. Даже горшок детский был. На фашистскую каску похожий. Мы его из развалин мертвого города

вытащили. Эмаль побитая. Весь помятый. Енот чуть не танцевал тогда вокруг него. А потом ноги уносили. Кто ж знал, что в мертвом городе такие живые и недружелюбные жители.

В дверь заглянул Ромич.

– Нашли? Порядок! Шеф будет доволен! Молодец Шило. Я в тебе не сомневался.

– Тебе чего? – недовольно глянул Енот, вытирая глаза. – Я тоже в нем не сомневался.

Стимулировал просто...

– Со связью проблемы, – пощелкал по микрофону на шлеме Ромич. – Все молчат. Непорядок.

– Помехи, – отмахнулся я. – Ваши радиоприемники замечательно работают на Земле и ее временных клонах. Законы физики одинаковые. А сегодня мы в чужом мире. Не смотря на всю схожесть это не Земля. Неизвестно как здесь распространяются радиоволны.

– Еще минуту назад все были на связи, – возразил Ромич.

– Купи себе учебник по физике, – ухмыльнулся я, довольный собой. Да плевать на связь и радиоволны. Кроме нас на корабле одни трупы. Бояться нечего. А странное предчувствие беды можно списать на нервы и хронический алкоголизм.

– Пошли, – скомандовал Енот, прижимая деревяшку к груди. – Собирай бойцов и домой.

– Что за вещь такая? – поинтересовался я, поднимаясь вслед за ним по лестнице. – Зачем она шефу?

– Делай свою работу и не лезь куда не просят.

– Хоть раз бы что-то по сути сказал, – привычно вздохнул я.

Стандартный вопрос, стандартный ответ. И так каждый раз.

– И где наша кавалерия? – осмотрел Енот пустую палубу.

Ни наших бойцов, ни трупов матросов. О недавних событиях напоминают красные пятна на палубе, многочисленные пулевые отверстия и россыпь гильз.

– Ускакала, – нервно хихикнул я, вытягивая из кобуры пистолет. А предчувствие то не подвело. – Енот, пора сваливать. Щас нас бить будут. Возможно по лицу.

– Ты предлагаешь их бросить? – с любопытством посмотрел на меня Енот. – Всех? Точно-точно?

– Отставить! – бряцнул пулеметом Ромич вставая у меня на пути. – Мы своих не бросаем! Я пожал плечами. Пальцем отодвинул неприязненно глядящие стволы, и молча отправился к носу.

– Эй! Ты куда? – За спиной клацнул предохранитель пистолета. – Смыться решил? Бросить всех? А как же трубка?

Приятно чувствовать себя незаменимым. Путь домой принадлежит мне. Только мне. Так что можно покапризничать.

– Можешь ее себе в качества перископа в задницу вставить. Тогда твой вздутый труп, плавающий жопой вверх, вдохновит кого-нибудь в этом мире сочинить нечто вроде еллоу субмарин.

Я поднял с палубы бутылку рома. Взглянув через темное стекло на чужое солнце, я удовлетворительно кивнул, и сделал глоток. Хорошо! Даже второе солнце раздражает меньше. Даже миленько так.

– Общем корабль! – скомандовал Ромич, удостоив меня презрительного взгляда.

– Ищем наши трупы или чужие? – я присел на ступеньки, ведущие на бак. – Ромич, без обид, если твои суперсолдаты исчезли, значит они мертвы. Или ты готов поверить в дезертирство? Может в трюме бочонок рома нашли и нарезались в хламину?

– Никогда!

– Да и куда бежать? Мокренько вокруг. И трупы матросиков сами по себе по каютам не могли разойтись...

– Что предлагаешь? – нервно перебил Енот. В одной руке он держит снятый с предохранителя пистолет, другой прижимает к груди находку. Взгляд обшаривает палубу в ожидании беды.

– Подобьем факты. – Я приложился к бутылке, и мозг заработал быстрее. – наших супероприходовали. Без шума и пыли. Мы бы по любому услышали возню на палубе, не говоря о выстрелах. А выстрелов как раз и не было. Это говорит, что у противника суперпотолще будет. Или что нас вохровцы защищали.

– Шило! – недобро уставился на меня Ромич. На скулах желваки играют. Палец на спусковом курке.

– Я же сказал, без обид. Я верю, что твои ребята лучшие. Серьезно говорю. Верю. Не первую ходку с ними делаю. А теперь представь уровень тех, кто десяток таких беззвучно вырезал и спустил за борт. Страшно? Вот мне да. И своих прибрать успели. И тишина.

– Общем корабль! – уперто заявил Ромич.

– Начальство там, – ткнул я бутылкой в сторону Енота. – Глас шефа воплотил. Вот с ним и договаривайся. Я кто – таксист. Привез. Увез. Машина стоит, счетчик тикает.

Стволы вулкана повернулись к начальству. Глас шефа побледнел и еще крепче прижал деревяшку к груди.

– Ромич, не дури. Знай свое место! – отступил Енот. – Не смей. Не смей. Я здесь главный! Да-да-да!

Его голос сорвался на фальцет.

– Мы общим корабль!

– Люблю иметь дело с военными, – расхохотался я. Алкоголь позитивно влияет на восприятие окружающего мира. – Дай ему, что он хочет. Пусть общет.

– Так не пойдет. Енот, Шило вы пойдете со мной. Не хочу остаться здесь.

– Нам не верят, – я поднялся на ноги. – И правильно делают.

Енот, поджав губы, недовольно кивнул. Интересно он пристрелит Ромича в спину или нет.

Хлопнули над головой паруса. Застонали от напряжения мачты. Гик бизань-мачты прошелестел над ютом. До звона натянулся такелаж. Недовольно вздохнули разрезаемые форштевень волны. Корабль менял курс.

Сильные руки крутанули штурвал. Дымящаяся трубка. Треуголка с пышным пером. Высокие ботфорты. Ветер играет полами сюртука и пышной бородой. И пронизывающий взгляд. Капитан!

За его спиной плечом к плечу стоит десяток наших бойцов. Почему-то из одежды на них лишь полотняные шорты. Ни оружия. Ни шлемов. Ни бронежилетов. Только дурацкие лямые шорты.

– Мужики! – заорал Ромич, распугивая примостившихся на реях птиц. – Вы живы! За борт капитана! Идем домой! Мы нашли! Шило подарок заработал!

Пусты лица солдат. Ни один мускул не дрогнул в ответ на голос командира. Пустые глаза безучастно смотрят на нас.

Прозвучал гортанный приказ, и матросы по обезьяньи рванули по вантам вверх, наводить порядок в парусах. словно всю жизнь этим занимались.

– Серега! – дернулся Ромич к пробежавшему мимо нас мускулисту парню. – Серега это же я! Стоять! Это приказ!

– Они уже не твои солдаты, – я положил ему руку на плечо, но он ее сбросил. – У них новый командир. Нам пора уходить.

– Что здесь происходит? – пробормотал Енот, глядя на взлетающих на реи новоиспеченных матросов. – Что с ними произошло?

– Обмен, Енот. Обмен. Мы пришли без приглашения и забрали что-то у него. Он компенсировал. Забрал тех, кто его ограбил. Все честно.

– Честно?! – оскалился Ромич. – Сейчас я сделаю ему честно!

Взвыли, раскручиваясь стволы пулемета.

Капитан приподнял бровь и выпустил клуб дыма. В его глазах появился интерес. Как у человека долгое время лишенного впечатлений, эмоций, красок чувств. Мне показалось, он даже причмокнул, предвкушая новый виток развития событий. Ладонь легла на эфес сабли.

– Мы должны уйти, – прошептал Енот, поглаживая деревяшку. – Должны. Точно-точно. Вещь нужна шефу. Работа прежде всего.

Я сдвинул плечами, хлебнул рома и всадил пулю Ромичу в колено.

– Ты здесь решаешь. Работа так работа.

И во второе колено.

Ромич заорал от боли и рухнул на палубу. Доски скрипнули, принимая закованную в броню стокилограммовую тушу с полным боезапасом. Пулемет отлетел в сторону, таща за собой набитую патронами ленту.

– Шило ты чего? – нервно выставил в мою сторону пистолет Енот.

– Выполняю твой приказ. – Я сдернул с Ромича пулеметный ранец. Десяток килограмм сэкономим. – Хватаем под руки и по лестнице вверх. На бак. Откуда пришли.

Кряхтя, шаг за шагом мы движемся вперед. Ромич мешает не только своими килограммами, но и злобными проклятьями в наш адрес и попытками то ударить, то укусить. Такого отборного армейского мата я еще никогда не слышал. И подполковники ВДВ меня еще ни разу не кусали.

– Ромич уймись, – прохрипел я, затягивая тушу на ступеньки. – Прострелю локти и челюсть.

В ответ я получил подробное описание куда идти и что делать со всеми родственниками по женской линии.

Шаг за шагом мы ближе и ближе. Капитан наблюдает. Команда не вмешивается, выполняет свою работу.

Вот и дошли. Я втянул носом воздух. Гарь сталелитейного конкурирует с запахом незакрывающихся парадных. Вот так пахнет дом.

– Трубку не потерял?

– Трубку? – Енот похлопал по карманам. – Есть твоя трубка. Шило давай домой.

– Дай.

– Нахрена тебе сейчас трубка, – взвыл Енот. – Ты не куришь, и табака нет...

– Дай!

Истекающий кровью Ромич что-то невнятно пробурчал, словно соглашаясь со мной.

– На!

Я взял трубку и повернулся лицом к корме. Не знаю, зачем я это делаю. Я вообще редко знаю, что делаю.

Корабль покачивается на волнах. Капитан застыл у штурвала. Ветер играет с дымом трубки. Взгляд прикован ко мне.

Я поставил ногу на задницу лежащего Ромича, приложился к бутылке и воткнул трубку в зубы. С учетом потерь рома оставалось глотка на три-четыре.

Капитан указал пальцем на Ромича. Я ждал этого. Командира ждет судьба его бойцов. Кто забирает жизнь, тот платит своей. Я отрицательно покачал головой.

Капитан провел пальцем по горлу, описывая нашу дальнейшую судьбу. Одно его слово и бывшие соратники нас на ремни порежут. А если мы их спишем в расход, то займем их место. Тут дипломатия нужна.

Я протянул бутылку вперед. Кадык капитана дернулся. Я расплылся в улыбке и сбросил с плеч рюкзак. Коннект. Есть связь. Я всегда готов к долгому путешествию. Поэтому кроме аптечки, запасных обоев к пистолету и носков у меня всегда имеется пара запасных бутылок спиртного, соответствующих текущему поиску, упакованные в небьющиеся контейнеры. Куда проще заранее перелить в пластиковую тару, но я считаю это кощунством над благородным напитком. Поворот крышки. Хруст лишаемой невинности. И накопленный годами запах... Пластиковая тара пахнет презервативом. Лишает истинного удовольствия от обладания.

Два пузыря плюс два глотка выстроились у моих ног. Ровно столько стоит жизнь Ромича. Можно, конечно, попробовать рвануть домой по быстрому. Но я помню, что умели эти ребята, когда были нашими, и с трудом представляю, что они могут сейчас. Наверное, стоило бы бросить подполковника и рискнуть, но его слова про «мы своих не бросаем»... Не! Фигня. Не хочу потом видеть его рожу в пьяных кошмарах.

Взгляд капитана посчитал миллилитры. Минута сомнений и наконец, долгожданный кивок. Я улыбнулся и положил рядом плитку экстрачорного шоколада.

– Енот, мы едем домой, – краем губ пробормотал я. – Таможня дает добро. Шевелись, пока местная власть не ввела сухой закон.

Подхватив матерящегося Ромича, мы двинулись на запах дома. Протянув руку вперед, я почувствовал кончиками пальцев холод. Снежинки пощекотали лицо. Дыхание дома.

– Ты обещал, – я протянул трубку Еноту.

Он, молча, спрятал ее в карман.

Напоследок я оглянулся. Капитан все так же стоял у штурвала. В его взгляде была тоска. Губы беззвучно шевелились. Беззвучные слова были так знакомы. Значит, не показалось. Когда-то он просто заблудился. Либо переоценил свои возможности, либо по непониманию.

– Прощай, – коснулся я пальцами края шлема. Словно отдавая честь.

Ноги коснулись заснеженной брусчатки.

--

Обычно меня радовало, что переход лечит любые раны и болезни. Как только возвращаешься домой, неизвестный закон природы приводит тебя в то состояние, в котором уходишь. Зараженный смертельным вирусом или насморком, с синяком под глазом или вспоротым животом, занозой в пальце или оторванной по самое немогу ногой, можно даже двумя, с целью сгущения красок... Переход лечит все! Какой ушел – такой пришел. Это закон. Когда-нибудь подобные путешествия станут достоянием общественности, и ученые мужи точно вывихнут мозг, пытаясь понять, как это работает. Я этим не заморачиваюсь. Я делаю то, что умею.

Так вот. Обычно меня радовало, что переход лечит, но не сейчас.

Ноги коснулись заснеженной брусчатки, и моя голова взорвалась болью.

Удар. Еще удар.

Удары Ромича бросают меня из стороны в сторону как тряпичную куклу. Луна пляшет перед глазами, по очереди сменяясь то уже окровавленной брусчаткой, то грязными стенами домов.

– Стой Ромич! – заорал Енот, жестом пытаясь остановить разбушевавшегося солдата. – Я тебе приказываю, стой! Ты же его испортишь!

Обо мне заботятся как об уникальном инструменте.

– Уйди, – прорычал Ромич и небрежным движением отправил Енота в темный проем парадной. Оттуда с истошным мяуканьем и матом выскочила пара исхудалых котов.

Вот и все. Мозг пострадал. Галлюцинации. Матерящиеся коты это уже не сотрясение это как минимум...

– Отставить! – завопил из темноты парадной Енот, пытаясь придать голосу командирские нотки. – Я тут главный!

– Сука ты Шило! – прошипел сквозь зубы солдат и ударил меня в солнечное сплетение.

Бронежилет может от пуль и спасает, но это не тот случай. Во мне что-то хрустнуло. По ногам потекло жидкое и горячее. Я рухнул в кучу строительного мусора у подъезда. Луна изобразила чеширскую улыбку и помахала пушистой лапой.

Енот по-прежнему орал из чрева старого дома что-то на предмет субординации и лишения премии. Выселенные из тепла коты орали о геноциде и рейдерстве.

– Молись Шило! Молись, если умеешь! – завертели у носа стволы «Вулкана».

– Дурак ты Ромич. Ой дурак, – прошепелявил я разбитыми губами. – Я же спас тебя, придурок в звании подполковника. У тебя на погонах звезд больше чем ума в голове.

– Спас?! – заорал он и ударил шнурованным ботинком под ребра. – Ты бросил их там! Десять моих бойцов остались там благодаря тебе. Это ты называешь спас? Ты хоть представляешь, что мы с ними пережили? Думаешь, я по приказу шефа левых пацанов собрал? Думаешь так? Да? Нет! Я взял тех, с которыми прошел ад во благо нашей великой державы! Серега меня ночь по джунглям на себе тащил. Сам ранен был, но тащил. Молись!

– Ели бы не я, то ты стал бы еще одним матросом, – шмыгнул я окровавленным носом. Капли стекали по подбородку и оставляли в снегу красные кратеры. – Я жалею о своем поступке. Нужно было тебя бросить!

– Не понял, – в глазах Ромича сквозь пелену злобы проявились признаки разума. – Ты прострелил мне ноги, Шило! Ты...

– Тебя было сложно убедить.

– Ты хочешь сказать, что если бы я начал стрелять...

– Ромич, пойми, у меня было два пути. Дать тебе открыть огонь и свалить с Енотом или найти способ забрать тебя с собой.

– Ты нашел, – присел рядом солдат.

На скуластом лице чувства меняются одно за другим. Милитари-мозг пытается понять и просчитать варианты развития событий. Штурвал разума переходит из когтистых лап ненависти в мягкие ладони понимания.

– Поехали, – кивнул в сторону прячущегося в темноте автобуса Енот. От гласа шефа пахло котами и сортиром. Он сердито посмотрел на Ромича, но больше ничего не сказал. Принюхавшись он сделала брезгливую мину и вытащил из кармана пачку влажных салфеток.

Я попытался встать, но со стоном сполз на кучу мусора. Помятое тело не желало слушаться. Перед глазами мельтешили яркие пятна и улыбающиеся кошачьи морды.

Ромич закинул пулемет на плечо, словно пушинку подхватил меня на руки и направился в сторону микроавтобуса. Нас всегда привозят и увозят.

– Это ничего не значит, – хихикнул я. – Все равно я сверху.

Ромич нечаянно задел моей головой сдвижную дверь.

– Сколько нас не было? – спросил Енот у водителя.

– Две.

– Недели?

– Сигареты. Две сигареты. Шустро сбегали. Прошлый раз неделю жил у цементного завода. Они даже ментов вызывали. За террориста приняли.

– Нет у нас больше милиции, – сердито хлопнул дверью Енот. – Поехали.

– В больничку? – глянул на меня водитель.

В зеркале заднего вида я увидел свое отражение. С такой рожей и в больницу не примут. Выдадут лопату и отправят на кладбище благоустроиваться.

– Домой, – буркнул я, умащиваясь на сиденье. – У супермаркета остановку. Выпивка закончилась. А, не, отбой. Забыл, все с собой. Домой.

Приглушенно рыкнул дизель. Захлопнулась дверь. И замелькали сквозь тонированные стекла светящиеся окна полуночников и рекламные огни. К утру дома будем.

У меня в ранце три бутылки рома. Ровно столько, сколько было до начала пути. Переход не только возвращает нас в исходное, стартовое состояние, но и блюдет закон сохранения материи. Ломоносов, Ньютон и прочие научные мужи не причем. Им такое и в страшных снах не снилось. Может, со временем его назовут как-то умнее, но будет потом. Сейчас это закон сохранения материи. Сей закон гласит: с чем ушел, с тем и пришел. Я не знаю, можем ли мы там что-то оставить. Не было возможности проверить. Очень надеюсь, что да. Не хотелось разочаровывать капитана. Что-то в нем родственное я почувствовал. Мой ром со мной, но возможно у него осталось его ром. Вот то, что унести с собой мы ничего не можем, это точно. Сколько не пытался сунуть в карман дорогую безделушку, но по возвращению она всегда исчезала. Наверное, возвращалась на свое место.

– Ты чего, – я дернулся от укола бедро.

– Спи, – похлопал по плечу Ромич, убирая боевую аптечку в боковой карман. – Сильная вещь. Утром будешь как огурчик. Спи солдат.

Боль постепенно отступает, сменяясь теплом и уютом. Тускнеет свет. Звуки становятся приглушенными.

– Нехорошо вышло, – недовольно глянул на него Енот закуривая. – Да-да-да. Нехорошо. Мне его заменить нечем. Тебя есть. Учти на будущее.

Он срыхнул пепел в грязную салфетку, которой закончил полировать берцы.

– Незаменимый? – потер квадратный подбородок Ромич.

– Ты что ему вколол? Он нас слышит?

– Спит как младенец. Проверенный коктейль.

– Именно что незаменимый. Таким нельзя стать. Да-да-да. Таким нужно родиться. Он необходим шефу. На этот раз я промолчу...

– Я понял. Енот. Погорячился. Я людей потерял... Всех... А сам живой... Вот так, Енот. Непорядок.

– Вот благодаря ему и живой. Точно-точно. Я удивлен, что он тебя не бросил.

– Я понял. Был неправ. Исправлюсь...

– Горбатого могила исправит, а военного дембель, – сонно пробормотал я. – Заткнитесь и дайте незаменимому поспать.

Ромич захохотал и похлопал меня по плечу:

– Из тебя еще может получиться солдат. Енот, его наша дурь не берет. Наш фельдшер после нее бойцам ампутации делал, а они цветочки на небе считали.

--

– Я сам, – оттолкнув руку Ромича, я вышел из автобуса. – Сам.

Начинался новый день. Первые несмелые лучи ощупывали землю, проверяя, что и как. Ряды многоэтажек ритмично покачивались из стороны в сторону перед моими глазами. Ноги подкашивались, грозя уронить ношу на асфальт. Маяком был фонарь над подъездной дверью.

– Шило ты уверен? – поинтересовался Енот, глядя на мое упершееся головой в дверь подъезда тело. – Помощь точно не нужна? Точно-точно?

– Сам, – пальцы привычно отстукивают комбинацию на кодовом замке.

Клацнул, открываясь замком.

– Енот, – окликнул я, замерев в дверном проеме. – Ты что-то забыл. Трубку.

– Здалась тебе эта хреновина, – он подошел и сунул мне в руку награду. – Ты даже не куришь. На кой она тебе?

– Вот завтра и начну, – я воткнул трубку в зубы и, меняя галсы, поплыл в сторону лифта. Сегодня штормит. С третьей попытки я таки ткнул в кнопку лифта и передо мной приветственно распахнулись двери, приглашая в мир рекламы, засохшей жвачки, откровенных признаний и неизменного запаха испражнений.

Дверь закрылась, чуть не прищемив мне нос вместе с трубкой и оставив за собой заботливые лица коллег. Слово-то какое – коллеги. Не друзья. Не товарищи. Не родственники. Не враги. Коллеги. Люди, временно оказавшиеся в одной упряжке ради какой-то цели. Когда цель будет достигнута, они перейдут в одно из вышперечисленных состояний. Или кого-то из нас не станет. И кто-то из нас будет к этому причастен. Мы делаем то, что обычный мир пока не готов принять. Нечто вроде магии. Ну не впишешь в рамки нормальности наши путешествия. И шеф сделает все, чтобы не допустить огласки. Чтобы оставить это только для своих, избранных. Енот мне в самом начале объяснил чего стоит длинный язык.

Стенка, на которую я облокотился, оказалась дверью. И она неожиданно открылась.

Бряцаая снаряжением, я рухнул на площадку. Я громко и нецензурно выразил свое мнение о вонючих лифтах, без предупреждения открывающихся дверях и неприлично твердом полу лестничных площадок.

На шум приоткрылась дверь.

– Здрасьте, баба Маша, – буркнул я, пытаюсь совладать со своим балластом.

– А Мишенька, это ты, – подслеповато глянула через щель соседка. – Горе ты луковое, опять напился. Жениться тебе Мишенька надо. Хорошая девка тебя вмиг в оборот возьмет. Человеком станешь.

– А сейчас я тогда кто? – я занял сидячее положение, прислонившись к окрашенной зеленой стене. Разбитые губы напоминали о себе при каждом слове. Вот уж точно: цена слову – боль. Не помню, откуда это, но в самую точку. Военная дурь ослабевает и боль возвращает меня к реальности и это нисколько не радует. Рука привычно нащупала в рюкзаке бутылку. Анестезия.

– Алкоголик ты Мишенька, – шаркая, вышла на площадку сгорбленная старушка. – Алкоголик и дебошир. Сорняк ты. Тебя ж соседи уже прокляли до десятого колена. И милиция тебе не управа. Внушек говорит мажор ты и все у тебя куплено. И наркодилер и наркоман. Как ни приедут милиционеры, так от ворот поворот. У вас все хорошо. Мелкий дебош. Не волнуйтесь. Погорячился, мол, парень, с кем не бывает. А у них или за спиной дверь с петель сорвана или во дворе мусоровоз догорает.

Она неожиданно хихикнула, прикрывая ладошкой беззубый рот. Под глазом терял очертания старый синяк, подарок от внушка-претендента на жилплощадь.

– Ты чего, баб Маш? – я приложился к анестезии. Пару крепких глотков и боль сделала шаг назад.

– Твою рогатку вспомнила. Я белье как раз на балконе развешивала. Красиво ты ему засадил в бак, – она осеклась и деланно закашлялась.

Я с интересом взглянул на старушку. Линялый халат с райскими птицами. Стоптаные шлепанцы. Ссохшиеся крючковатые пальцы впились в перила. Из-под платка выпала прядь седых волос. Глаза были куда моложе своей хозяйки. Пытливые. Профессионально- подробно ощупывающие мое снаряжения. После недолгих поисков взгляд остановился на кобуре.

– Кому я такой нужен? – ухмыльнулся я окровавленными губами. – Алкоголик.

Бабуля пошарила в кармане и неожиданно что-то в меня бросила. Я рефлекторно упал на бок из положения сидя, уходя с линии удара, и выдернул из кобуры пистолет. Часы тренировок с Ромичем не прошли даром. Вот только выпивку расплескал.

Запрыгала по ступеням желтая монетка. Я проследил ее недолгий путь и виновато улыбнулся. Надо же. Сам не ожидал, что так отреагирую. Вот бабулю напугал пистолетом.

– Баб Маш, ты чего? Деньгами швыряешься. Меня пугаешь... – я вернул пистолет в кобуру подальше от греха.

Соседка загадочно улыбнулась:

– Мишенька, давай так, я в случае приезда милиции буду тебя поддерживать. Ты не думай и протокол подпишу, что ничего не было. Все что угодно подпишу. Детишки в подъезде петарды взрывали... Наркоманы буянили... Бандюки растяжку ставили и не повезло... Сам придумашь. А ты...

Она заговорщицки подмигнула.

– А я?

Ром помогает от боли, но не от удивления. Старушка почти находилась в состоянии экстаза. Глаза горели. Руки тряслись. Пальцы рефлекторно сжимались.

– В последний раз, сынок. Дай его пощупать.

Я сглотнул подступивший к горлу комок, и попытался отодвинуться назад. Не вышло. Сзади была бетонная стена, окрашенная зеленой краской.

– Баб Маш, с вами все хорошо? Вы плохо выглядите.

– Дай мне его! – приказала старушка, протягивая руку.

– Кого? – я еще никогда не находился в более дурацкой ситуации. Вспомнились анекдоты про «перед смертью они самые горячие и страстные». И фильмы про зомби.

– Свой хепе!

– Какой хе-пе? – заорал я, отмахиваясь бутылкой. – Уйди старая, мой хепе не для тебя.

Вдоль стеночки я пополз в сторону своей двери.

– Хе-пе. Дурачок. Браунинг свой дай.

– Нет у меня никакого браунинга! – я почти дотянулся до ручки двери, но шлепанец наступил мне на полу куртки.

Старушка нависла надо мной точно коршун над полевой мышью.

– Мишенька, вытаскивай свой ствол, – чеканя слова, потребовала соседка. – Дальше я сама быстро все сделаю и наша сделка в силе.

Я сегодня дважды пересек грань миров. Стоял на палубе настоящего галеона. Выставил отступную настоящему капитану настоящего галеона. Был качественно бит в лицо и его окрестности настоящим подполковником.

И вот теперь...

Меня...

Она...

Нет слов...

Одурманенный наркотиком и выпивкой мозг жаждал отключиться и не видеть, что будут вытворять с его телом.

Костлявая рука с вздувшимися венами метнулась ко мне. Я сжался в комок и закрыл глаза.

– Вот это штука! Уже и забыла, когда в руках такую вещь держала. словно молодость вспомнила.

Я приоткрыл один глаз. Соседка, словно забыв о старости, ловко перебросила из руки в руку мой пистолет. Старушечьи пальцы были так быстры, что я не успевал за ними взглядом. За считанные секунды, на коленке была произведена разборка-сборка. Тринадцать патронов покинули магазин и тут же обрели предыдущий дом. Затвор передернут. Палец на курке. Предохранитель снят.

Вдох.

Клац.

Боек ударил в капсюль несуществующего патрона, и воображаемая пуля вошла в переносицу тени старушки на стене.

Выдох.

Она воткнула обойму в пистолет, передернула затвор и поставила на предохранитель.

– Ничему вас сейчас не учат, – вздохнула она, снова превращаясь в старуху. – Это Браунинг Хе Пе. Хай-пауэр. 1935 года. Надежная французская вещь. Не такая старая как я, но намного надежнее. Сколько лет прошло, а их еще делают. Держи.

– Вы кто? – пробормотал я, принимая из пергаментных ладоней оружие.

– Я же не всегда была такой, – кашляя, рассмеялась соседка, направляясь к своей двери. – Было и мое время. Войну начала снайпером. Ворошиловский стрелок. Слышал такое. Из рук самого Ворошилова значок получила. Косички у меня тогда смешные были. С будущим мужем познакомилась. Потом в разведку забрали, тоже снайпером. Потом СМЕРШ... От туда и любовь к Браунингу. Табельный пистолет... Потом муж врагом народа оказался... Жизнь изменилась... Спасибо тебе... Как там тебя?

– Миша меня зовут, – напомнил я старушке.

– Это соседям расскажи... Миша, – прокашляла она, закрывая дверь. – Миша. Петя. Вася... Работа. Понимаю. Скажу так, вы и подметок наших не стоите. Я и не таких раскалывала... А ты даже не знаешь что в кобуре носишь. Вымирает нация... Гнилое поколение... Какая страна такие и солдаты...

– Чего ты там орешь старая? – раздался недовольный голос из недр квартиры. – Спать мешаешь.

Дверь захлопнулась, оставив меня наедине с моими мыслями. Кто бы подумал, что эта блеклая тень, одной ногой стоящая в могиле, имеет такое прошлое. Выходит, что спустя некоторое время я так же буду кашлять о своих невероятных подвигах... Нет! Не хочу.

– Все хорошо, внучек. С соседом выходила поговорить, – донеслось из квартиры.

– С этим буйным? О чем тебе с ним говорить? Он наркоман. Ты дура старая. Что у вас общего? Вы заодно? Он уговорил тебя хату на него переписать?

– Нет, внучек. Нет! Только не бей! Я же тебя люблю... Ты у меня единственный остался... У меня кроме тебя...

Сквозь дверь донесся звук крепкой пощечины. Кто-то упал и заплакал. Не от боли. Болью ее не испугать. Она сама способна испугать кого угодно. От обиды. Обиды и старческой беспомощности.

Я посмотрел на бутылку. Пить или не пить, вот в чем вопрос. Кто знает, куда заведет меня следующий глоток. Сейчас я больше всего хочу в кровать и баиньки. Побитая тушка хочет того же. Мне чужды окружающие меня люди. Их судьбы мне безразличны. У меня своя, отличная от них жизнь. Вмешательство создаст мне проблемы. Это с одной стороны. А с другой, еще минуту назад рядом со мной стоял профессионал, заслуживающий уважения. Как Ромич. Как его бойцы, которые больше никогда не вернуться домой. Один глоток – как стрелочник на распутье. Налево повернешь – спать пойдешь. Направо повернешь – справедливость вершить пойдешь.

Напиток обжег горло.

Кряхтя, я поднялся на ноги. А старуха-то права. Вымирает нация. Нам бы пожрать власть. Девку с ногами подлиннее. И тачку покруче.

Шефу это не понравится.

Я снял пистолет... Нет, Browning High-Power с предохранителя и утопил кнопку дверного звонка. И еще раз.

– Ты? – дверной проем заполнил внучек. – Чего надо?

– Я не к тебе, – криво ухмыльнулся я и ударил внучка в пах. – К бабуле я. Хе-пе принес. И кеце для гравицапы... Гнилое поколение...

--

– Убил? – мрачно поинтересовался Енот, выходя из лифта. – Мы расстались меньше четверти часа назад, а ты уже кого-то завалил. В полицию уже поступил звонок. Да-да-да. Поступил. С минуты на минуту наряд прибывает.

– Живой, – я приложился к бутылке.

– Этот? – брезгливо пнул он тушу в пижаме, перегородившую дверь в квартиру. Туша не отреагировала. – Он выглядит мертвым совсем. Точно-точно. И пахнет примерно также.

– Обморок, – я ткнул пальцем в разбитый плафон над дверью. – Испугался сильно.

– Его страхом подъезд провонялся. Промазал по пьяни или в гуманисты подался? – хитро прищурился Енот.

– Ты же знаешь, Енот, не любитель я этого дела. Припугнуть решил. Вышло лучше, чем ожидалось.

Вдалеке завывла сирена.

– В твоей квартире есть что ценное? – настороженно прислушался Енот.

– Я привычек не меняю. Новоселье? – я вскинул рюкзак на плечи.

– Да-да-да. Примелькался ты. У шефа возможности не безграничны. Он перезвонил мне сразу после тебя. И откуда он все знает? Сказал, что пора тебя переселить. Поехали-поехали.

– Пока, баб Маш, – я помахал темному проему двери.

– Береги себя, солдат, – прошелестел голос из темноты.

Двери лифта захлопнулись.

– Не лучше было бы лестницей. Полицейские ленивые, точно лифтом поедут. Не пересечемся?

Енот загадочно хикнул.

Отсчитывая этажи, кабина скользит вниз. Соседка не выходит из головы. Интересно было бы увидеть ее в молодости. Спортсменка, активистка и просто красивая девушка. И форма наверняка была ей к лицу.

Створки лифта со скрипом поползли в стороны. За распахнутой дверью подъезда стоит полицейская машина с полной иллюминацией, конкурирующей по яркости с рассветом. Пара полицейских, держа руки на кобурах, направлялись в нашу сторону.

– Что я говорил?! – сердито пробормотал я. – Мы точно выглядим как мирные граждане!

Реакция полицейских будет однозначной. Перед ними худой постарше и толстый помоложе в камуфляже, бронеках, при оружии и роме. А физиономия худого явно выдает виновника торжества. Ни на карнавал, ни на дружеский розыгрыш не спишешь. Положат нас мордами в бетон...

– Ты левого. Я того что справа, – прошептал Енот. – Без команды не стрелять. Ромич если что прикроет. Вперед-вперед.

– Енот, я не уверен...

– По команде стреляй в голову. Да-да-да. Они сейчас на дежурстве в бронеках ездят. Живые свидетели нам не нужны.

Кажется, что Енот получает удовольствие от происходящего. Он даже облизнулся в предвкушении. Пухлые пальчики нервно теребят рукоять пистолета в кобуре. Словно старый вестерн. Сейчас мы выйдем на крыльцо, выхватим оружие и убьем пару копов. Я изучаю свою жертву. Форма как с иголочки. Все пуговички застегнуты. Стрелки наглажены. По-детски наивное лицо чуть портят свежие следы поспешного бритья. Еще мгновение и в это лицо мне придется всадить пулю.

– Вперед-вперед, – толкнул меня в плечо Енот. – Без команды не стреляй.

Шаг за шагом мы сближаемся. Глаза из-под козырьков пристально изучают нас, нашу амуницию, оружие. Полицейский что постарше поднес рацию ко рту, одновременно расстеги-

вая кобуру. Мой замешкался. Пальцы теребят непослушную кобуру. Он даже покраснел. Не то от стыда не то от напряжения.

Шаг за шагом расстояние сокращается.

– Енот?

Полицейские обнажили оружие.

– Ждем Шило. Ждем-ждем!

– Чего?

Я потянул пистолет из кобуры. До полицейских меньше десяти шагов. Нехорошо получается, но тянуть дальше нельзя. Лучше быть плохим живым, чем хорошим мертвым.

– Привет-привет, – улыбнулся полицейским Енот, одновременно перехватывая мою руку.– Пятый этаж. Квартира напротив лифта. Пьяный дебош со стрельбой. Да-да-да. Со стрельбой. Нарушитель скрылся до появления полиции. Соседи примет жильца не запомнили. Квартира съемная. Владелец за границей. Нужен врач. Один из жильцов в шоковом состоянии.

– Помощь нужна? – хрипло поинтересовался старший, взглянув на меня. Я моргнул и приложился к бутылке, так и не покидавшую левую руку. – Ясно. Хорошего дня.

Он кивнул, и правоохранители проследовали к подъезду.

– Видел бы ты себя. – Расхохотался Енот, хлопая себя ладошками по бедрам. – Клинт Иствуд в меру пьяный и в меру побитый. Точно-точно. Клинт Иствуд. Ты же поверил? Правда, поверил? Ой, не могу... Что мы плечом к плечу выйдем из лифта и начнем валить, как ты любишь говорить, ментов на лево и на право.

– Мы полиция, – оглянулся старший. – Попрошу не путать. Наследие прошлого стерто.

Енот икнул и с хохотом осел в снег.

– Нет, я сегодня точно с ума сойду... Точно-точно. Наследие прошлого... Ой, не могу. И взятки не берут. Да-да-да. Не берут. И Клинт Иствуд с вискарем в руках.

– А кто такой Клинт Иствуд? – неожиданно нежным голосом поинтересовался молодой. – В ориентировках такого не было.

Енот захрипел, лег набок и судорожно засучил коротенькими ножками. Пухлое лицо покраснелось.

– Ой, держите меня четверо! Меня шас разорвет от смеха. Ориентировка на Иствуда? Особо опасен и стреляет как бог.

Полицейские, молча, пожали плечами и поднялись на крыльцо.

– Мужики, просьба есть, – окликнул я. – В сорок пятой бабуля живет. Бабой Машой кличут. Ветеран она. Снайпер. Стрелок ворошиловский. Сам Ворошилов награду вручал. Так вот, внучек у нее непутевый... Рукоприкладствует.

– Принято, – кивнул старший с порога. – Приглянем за ветераном.

Я взглянул на качающегося по снегу в приступе смеха Енота. Надо ж как развеселился, что позволил себе снегом перепачкаться. Потом всю дорогу как кот вылизываться будет. Чистюля.

Я убрал пистолет в кобуру. Глотнул рома. Сплюнул под ноги и медленно поплелся в сторону автобуса. Ромич, наблюдавший за происходящим, распахнул дверь и похлопал меня по плечу.

--

Проснулся я ближе к обеду следующего дня. Я даже не помню, как попал сюда. Надеюсь хоть не на руках Ромича.

Небольшая, но чертовски уютная квартира с огромными окнами на море. Пахнувший солью ветер играет шторой у приоткрытой балконной двери. Строгая мебель. Бежевые обои

с невнятным рисунком. В тон пушистый ковер на полу. И даже маленький псевдо камин, с парой канделябров на каминной полке.

В первую очередь я проверил входную дверь. Не заперто. Это хорошо. Значит, начало поиска я не проспал. В коридорчике у двери два ставших традиционными пульта и сейф.

В результате ревизии был обнаружен холодильник под завязку забитый едой и выпивкой в моем вкусе. Содержимое холодильника, тумбочек и антресолей кухни обеспечивало комфортное автономное плавание как минимум на месяц. На тумбочке у кровати лежал конверт с зарплатой и новые документы. Теперь я не Миша. Теперь я Коля.

– Привет Коля, – улыбнулся я помятому отражению в зеркале.

Ромич если что и делает, то делает качественно.

Отражение выглядело печально. На вид лет от тридцати пяти до непонятности. Темные длинные волосы, забывшие о шампуне и парикмахере, неряшливо обрамляют лицо с резкими чертами. Щетина непонятной давности еще не готова перейти в статус усов и бороды. Обычно тонкие, нервно поджатые губы опухли и растрескались. Нос – корявая картофелина, смотрит влево. Из ноздри торчит пучок потемневшей ваты. Глубоко посаженные, запухшие глаза пытливо изучают обновленное лицо. Спасибо Ромичу за конспирацию. Теперь даже я сам воспринимаю отражение как нечто чуждое.

Я неожиданно понял, что чертовски хочу есть. Соорудив стопку бутербродов с колбасой и сыром, я откупорил бутылку пива и рухнул на диван перед телевизором. Улыбнувшись тщетным попыткам неудачливого мультяшного кота поймать юркого мышонка, я переключил на местный новостной канал. Очкастый диктор вещал о забастовке на судостроительном заводе, митинге студентов под обладминистрацией, жуткой аварии на кольце у рынка со смертельным исходом. Оказывается за прошедшие сутки в этом городе произошло немало грабежей, краж автотранспорта и даже убийств. Как обычно мои деяния были стерты из криминальной истории. Уже не в первый раз задаю себе вопрос, кто же такой наш работодатель. Либо финансовый магнат, либо крупный политик. А может и то и другое одновременно. А мы тягаем для него, словно мартышки каштаны из огня, бессмысленные безделицы, не имеющие никакой цены. Мы переступаем через состояния ради куска дерева, тряпки, хлама в общем. Ну принесли мы вчера... Или позавчера? Да какая разница! Принесли это колесо... И? Дальше что? Повесит на стену и будет любоваться? Историческая ценность? Бред. Деревяшка даже не из этого мира. Я понимаю если бы мы вытащили произведение искусства, или скажем рукопись из библиотеки, которая должна была сгореть... Да, это ценная вещь. А тут – деревяшка. Между прочим, вчера ради этой цапки десяток парней отдали душу дьяволу. Хотя, что для него десяток бойцов. Пыль. Человек живет другими масштабами.

Я выключил телевизор и заглянул в стенной шкаф. Все как обычно. Носки, трусы, майки, рубашки, джинсы аккуратными стопками разложены по полкам. Пара курток, камуфляж, броник и снаряженный рюкзак в соседнем отделении.

Все новенькое как с иголочки. По сути, оно такое и есть. Новая жизнь. Новое имя. Новые вещи. Прошлое стерто. Прощай Мишаня. Я даже думать не хочу что произойдет с моей бывшей квартирой и вещами... Ха! Моей? И это говорит человек почти лишенный личных вещей. В отличие от большинства я не тащу за собой неподъемный груз шмоток, сувениров, нелепых подарков, семейных фотографий и собираемой всю жизнь библиотеки. Ничего лишнего. Только я.

Не выпуская бутылку из рук, я прошествовал на балкон. Море. Цепочка кораблей на горизонте. Сухогрузы и танкеры, газовозы и контейнеровозы выстроились в очередь на вход в порт. В хвосте болтался даже огромный лихтер, редкий гость в этих краях.

На балконе стояли шезлонг и маленький столик.

– Ну Енот! Ну сукин ты сын! – на столе рядом с трубкой лежала замотанная в полиэтиленовый пакет пачка хорошего табака и бензиновая зажигалка.

– Не ругайтесь, – раздался дребезжащий женский голос с балкона выше. – Здесь женщина. Не успели поселиться, а уже сквернословите. И не вздумайте курить. У меня астма!

Я распечатал упаковку, вдохнул, подзабытый терпкий запах. Хороший табак щекотал ноздри. Я смачно чихнул.

– Надеюсь, вы ничем опасным не больны. У меня плохой иммунитет.

– Не волнуйтесь, соседка, – ухмыльнулся я, набивая трубку. – Мой фтизиатр сказал, что пол годика я еще может и протяну.

Чиркнув зажигалкой, я крепко затянулся. Ох, и крепок табачок. Я с непривычки закашлялся.

Над головой раздалась нецензурная брань. Хлопнула, закрываясь, балконная дверь.

– Это ты еще пылающего мусоровоза не видела, – я устроился в шезлонге, затяжка за затяжкой вкушая подзабытое удовольствие. Капитанская трубка оказалась что надо. Может она и не стоила валяющихся под ногами сокровищ. Может... Но это мой выбор. И у меня появилась еще одна личная вещь.

Я сидел и вальяжно посасывал трубку, созерцая море и корабли.

Звякнул телефон в кармане камуфляжа. Я так и не удосужился переодеться.

Абонент был подписан как «Она». Я выдохнул клуб густого дыма и, стараясь не выдавать волнения, ответил:

– Алле.

– Привет. Это я.

– Привет.

– Потеплело, – маняще шепнул в ухо приятный голос.

– Думаешь?

– Выгляни в окно, соня. Снега нет. Плюс три. Пора!

– Где?

– Давай через час у зоопарка.

– Буду. – Я положил трубку.

Каждый имеет право на глупости. И я в том числе.

--

Сменив пару такси, и троллейбус я оказался у шлагбаума старого автокооператива. Дряхлый сторож подслеповато уставился на меня. Чекушка водки, купленная по дороге, просветлила его взор. Прощамкав что-то невнятно беззубое, он с достоинством принял плату и показал большой палец. Мол, все нормально с твоим имуществом. И денно и ночью стою на посту во сохранность его. То, что большую часть времени он спит пьяным дела не касается.

Судя по количеству автолюбителей ковыряющих наследие совавтопрома сегодня выходной. Наследие и традиция. Только советский автолюбитель в состоянии превратить доработку вечно ломающегося автомобиля в культ. Культ со своими традициями и ритуалами. И каждый ритуал требует созвония коллег по несчастью и распитию алкоголя, дабы просветлить ум для решения проблемы, которую не смогло побороть целое конструкторское бюро. Всяко лучше, чем сидеть дома, слушать опостылевший зуд жены или пялиться в телевизор. Тут свои. Избранные. Умеющие на слух отрегулировать клапана или на запах определить обедненность либо обогащенность топливной смеси и соответственно отрегулировать карбюратор.

К счастью я отношусь к более поздней генерации владельцев колесных средств передвижения. Я больше люблю просто ездить, чем ковыряться в двигателе или ходовке с целью устранения поломок либо оптимизации характеристик.

– Ну, привет, Буса, – поздоровался я с пучеглазой белоснежной красавицей, стыдливо прячущейся в сумраке гаража.

Я ласково провел ладонью по плавному изгибу ее лица. И начал торопливо раздеваться. Мой гараж находится в глухом тупике и большинство соседей уже годами не появлялись сюда. Ржавые ворота, позабывшие, что такое ключ замки, протекшие крыши и просевшие фундаменты царят в этом краю.

Дрожа от холода, извлекаю из металлического шкафчика термобелье. Кто там говорил про плюс три. Зубы стучат на все минус пять. Быстренько втискиваю постанывающее тело в белый кожаный комбинезон. Шлем на голову. Ключ в замок...

И вот она ожила. Рокот четырехцилиндрового мотора наполнил гараж. Это моя Буса. Самый быстрый из серийных мотоциклов. Сузуки хаябуса. Сокол, по нашенски. Гениальное воплощение фантазий японских инженеров, доработанное местными кулибинами с целью «выжать все что можно». Литр плюс триста кубиков, стонут подо мной, предвкушая дорогу. Нельзя лишать зверя его стихии.

—

Я прибыл несколько раньше времени. Хвала жадным таксистам, а не моей скорости.

Заглушив двигатель, я нырнул в ближайшую кафешку. Погреться и хлебнуть глоток горячего кофе. Зима не самое лучшее время для байкеров.

— Что вам? — игриво сверкнули глаза стройной официантки, как только я устроился за маленьким столиком.

— Американо. Двойной. И коньячку приличного грамм пятьдесят, — улыбнулся я, проведя взглядом по заманчивым формам — А лучше сто.

— Но вы же за рулем... И мотоцикл у вас такой, — она томно закатила глаза. — Зверь бело-снежный! Леопард альбинос. Точно! Я вчера передачу смотрела про кошачьих хищников. И там был именно такой...

— Какой?

Она наклонилась так низко, а вырез кофточки был таким глубоким. Участвовавший пульс напомнил мне, что я таки мужчина.

— Хищный! Быстрый! — ее ладонь скользнула по белой коже комбинезона. — И страстный! Взглянув на корабельные часы над входной дверью, я перехватил ее руку.

— У меня мало времени. Кофе и коньяк. Пожалуйста.

До сего мгновения приветливое лицо исказила гримаса неприязни. Проявились тщательно скрываемые под макияжем морщинки. Томность превратилась в похоть.

— Как скажете, — одернула она руку. — Кофе и коньяк.

Заглотив одним махом обжигающий кофе, больше похожий на растворимый, и запив его далеко не приличным коньяком, я оставил под бокалом купюру, компенсирующую не только выпитое, но и приложенные усилия.

Голос черного дрозда, застал меня на пороге, поочередно натягивающим теплый подшлемник и шлем.

Оказавшись на улице, я приветственно вскинул руку.

Дрозд рыкнул в ответ всей мощью четырех цилиндров, направленной через прямоголки.

Она кивнула. Такая же черная как ее байк. Станный выбор для девушки. Honda Blackbird, старый соперник моей Suzuki Hayabusa, всегда был прерогативой сильного пола, стремящегося доказать что они таки самые сильные и быстрые.

И тут она. Стройная и загадочная. Облаченная в облегающую черную кожу. Со спортивной фигурой и высоким уровнем мастерства. Не всякому мужчине покорится черный дрозд.

И мы никогда не видели лиц друг друга. Только зеркальные визоры шлемов. И приглушенные забралами голоса.

— До еврейского кладбища, — предложила она.

– Проигравший снимает шлем, – добавил я, вставляя ключ в замок зажигания. Кофе, коньяк и Она, заставили забыть о холоде и заполнить душу драйвом.

Она кивнула и, подняв мотоцикл на заднее колесо, рванула вперед.

Сцепление выжато. Литр с копейками сонно бурчит подо мной.

Клац, – воткнулась первая передача.

Сцепление отпущено, газ на себя. Переднее колесо, позабыв об асфальте, рвануло в небо.

Посмотрим кто сегодня король дороги. Да простит меня господин Кипелов.

Заглушают дыхание города, захлебывающиеся мощностью моторы. Плюются пламенем при перегазовке прямого хода. Высекают в глубоких поворотах искры подножки. На кольце со свежим асфальтом мы синхронно коснулись левыми наколенниками дорожного покрытия.

Я стал единым целым с байком. Мое сердце бьется в такт его поршням. В душе вспыхивает нечто окрыляющее синхронно с поджигающими топливную смесь свечами. Миром правят газ, сцепление, дисковые тормоза с армированными шлангами и коробка передач. Широкие покрышки пожирают километры асфальта, перерабатывая его в миллилитры наркотика под названием драйв. И снова и снова мы садимся на наших железных коней, чтобы получить очередную дозу.

В этом мире есть Она, дорога и дрожащая у красной черты стрелка тахометра. Все остальное лишь фальшивые декорации, призванные обмануть и свернуть со своего пути. Стать обывателем. Дать сожрать свой мозг информационному потоку средств массовой информации. Утонуть в океане сериалов заменяющих настоящие эмоции. Завязнуть в карьерном болоте в поисках той самой тропинки, которая выведет к сверкающей от стараний удачливых предшественников, заднице биг босса. Заблудиться в потребительском рае огромных торговых центров.

Задорно бибикнув она проигнорировала красный и юрко проскочила поток автомобилей.

Оставляя за собой черные полосы горелой резины, и вой тормозов я остановился. Нужно быть сумасшедшим, чтобы вклиниваться в такой плотный поток. Ей просто повезло. Неприятно быть проигравшей стороной.

И вот стою я, тоскливо взирая на красный глаз светофора, и уже чувствую свою неполноценность. Я уже прямо слышу довольное хихиканье из-под черного шлема.

Вот фиг вам! Не дождетесь!

Красный глаз милостиво сменился на желтый. Покрепче сжав коленями, бак я пришпорил коня. По прямой уже не догнать. Я воспроизвел в памяти схему этого района. Можно попробовать резануть через спальник. Я круто принял вправо, покидая проспект и погружаясь в узкие тоннели муравейника. Мамаши с колясками, шавки непонятных пород в тулупчиках, неторопливые бабушки и «на две секунды» остановившиеся у подъезда в ожидании клиента таксисты. На все это уйдет минимум пять минут и сэкономит десять минут дороги. Есть шанс!

Вынырнув из обители греха, я добавил газу. Холодный зимний ветер то и дело норовит пробиться к моему тельцу, но современные технологии строго блюдут это дело. Термобелье, добротный комбинезон, высокие мотоботы и подшлемник со шлемом стоят на защите своего хозяина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.